

Фишер Константин Иванович

Записки сенатора К. И. Фишера

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 55
ББК 26
К65

К65 **Константин Иванович Ф.**
Записки сенатора К. И. Фишера / Фишер Константин Иванович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 314 с.

ISBN 978-5-521-28353-8

ISBN 978-5-521-28353-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

корнетомъ, 16-ти лѣтъ отъ роду. Старшій сынъ, уже въ капитанскомъ чинѣ, изволилъ самовольно отлучиться отъ полка и остаться за границею. Разумѣется, русскому армейскому офицеру не велико было поприще въ образованной и трудолюбивой Германіи; скоро голодъ погналъ его опять въ Россію, но тамъ ожидало его разстрѣліаніе. Отецъ мой, прервавшій уже всѣ прежнія свои связи, бросился однако къ военному министру, его прежнему пріятелю (кажется, Вязмитинову), и этотъ умѣлъ въ добрую минуту разсказать государю случаи такъ комически, что государь много смѣялся и разрѣшилъ принять дезертира унтеръ-офицеромъ въ Грузію. Черезъ годъ такую же шутку сочинилъ и второй сынъ. Какимъ образомъ отецъ мой уладилъ и это дѣло—не знаю, но знаю, что явился къ намъ дядя Августъ, котораго намъ приказано было называть дядею Карломъ, что этотъ дядя опредѣленъ былъ въ армію, какъ недоросль Карлъ. Сколько было слезъ и отчаяній въ семействѣ, пока оба эти случая уладились, и все это западало безотчетно въ впечатлительное младенческое сердце мое! Младшій сынъ пошелъ лучше: черезъ годъ за отличную верховую ѣзду онъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ гвардію; черезъ полгода онъ перешелъ опять въ армію поручикомъ, потому что не могъ содержать себя въ гвардіи, но при первомъ смотрѣ великаго князя Константина Павловича (кажется, менѣе, чѣмъ черезъ годъ) опять переведенъ въ гвардію тѣмъ же чиномъ. Родители его сжались еще болѣе, чтобы доставить удавшемуся сыну способъ остаться въ гвардіи и быть масопомъ, что въ то время составляло почти необходимую принадлежность гвардейскаго офицера. Тогда быть офицеромъ гвардіи стоило и дороже и дешевле; дороже потому, что были предрасудки; нельзя было ни ѣздить на извозчикѣ, ни идти пѣшкомъ по дѣлу; бывало, шутили много надъ дядею, что онъ отправлялся на службу пѣшкомъ, самымъ небрежнымъ шагомъ, и останавливаясь передъ окнами магазиновъ, чтобы поглядѣть прогуливающагося; дешевле было потому, что не было подпISOCKA на разныя фантазіи, какъ это дѣлается теперь, и что полковые командиры не барышничали лошадыми, а, напротивъ, помогали офицерамъ; такъ, Чичеринъ, командовавшій лейбъ-уланами, гдѣ служилъ дядя, узнавъ, что ему не на что купить хорошую лошадь, просилъ его «сдѣлать ему одолженіе» купить у него верховую лошадь за 200 р. ассигнаціями, потому, будто, что она не чисто-рыжей масти, и продалъ ему превосходную лошадь за эту баснословно малую цѣну.

Когда я началъ понимать, что вокругъ меня происходило, родители мои приходили уже въ стѣпенное положеніе. Когда дѣтей было двое, два мальчика, и даже при рожденіи первой дѣвочки, ѣздили мы въ каретѣ; отецъ держалъ трехъ лошадей, къ нему приходилъ парикмахеръ заправлять и пудрить его; лакей нашъ ходилъ

въ гербовой либреѣ; живописецъ писалъ съ насъ, мальчиковъ, портреты. Помню живо картину, висѣвшую надъ диваномъ, изображавшую брата и меня въ натуральную величину, въ красныхъ курткахъ, гуляющихъ въ саду за голубемъ. Куда дѣвалась эта картина? Потомъ продали карету и одну лошадь, однакоже отецъ продолжать щеголять пристязною лошадью и, по тогдашней модѣ, самъ держалъ вожжю; лакеи стали одѣвать въ сѣрое ливрейное платье, наконецъ не стало вовсе экипажа, и слугу одѣвали уже въ обноски отца моего; между тѣмъ брата моего, а потомъ и меня, семилѣтняго мальчика, отдали въ пансіонъ, изъ котораго только по праздникамъ приходили мы домой; бѣдность проникла во всѣ поры. Мы, дѣти, не понимали причины лишеній, но плакали, то о каретѣ, то объ лошади. Дома становилось мрачнѣе; прежде бывали посѣтители почетнѣе, между ними самые короткіе: Ланской и графиня Мусина-Пушкина, крестившіе старшаго брата моего; потомъ состоявшій нѣкогда при фельдмаршалѣ Суворовѣ Фуксъ, мой крестный отецъ, Капценичъ, глупый генералъ, Тургеневъ, Горголи, потомъ и ихъ не стало; одна графиня Пушкина осталась вѣрнымъ другомъ нашего дома, да приходилъ поздравлять съ праздникомъ толстѣйшій квартальный надзиратель Галяминъ, съ молоденькимъ, хорошенькимъ сыномъ. Странныя совершаются въ Россіи сословныя метаморфозы: былъ банковый сторожъ, оставшій солдатъ, покровительствуемый моимъ отцомъ; отецъ мой вывелъ какъ-то сына этого сторожа въ квартальные надзиратели, а когда у этого квартальнаго надзирателя подросъ сыночекъ, очень бойкій мальчикъ, опредѣлилъ этого юношу въ институтъ путей сообщенія. Лѣтъ 16-ти, этотъ мальчикъ, при содѣйствіи моего отца, переведенъ въ колонновожатые, а въ 1822 году онъ былъ блестящимъ полковникомъ генеральнаго штаба, любимцемъ князя Волконскаго и великосвѣтскимъ человекомъ: это былъ Галяминъ. Его замѣшали въ исторію 14-го декабря, и съ тѣхъ поръ звѣзда его закатилась.

Въ 1816 году отдали меня въ гимназію 10-ти лѣтъ отъ роду, гдѣ мнѣ очень не понравилось. Мало-по-малу доходили до меня свѣдѣнія, что и нашъ родъ былъ нѣкогда въ хорошемъ положеніи. Родъ мой по отцу принадлежитъ къ юртембергскому дворянству, котораго происхожденія не знаю, но думаю, что не къ коренному дворянству, судя по родовому имени, означающему ремесло; однако во время французскаго регентства Финнеры имѣли уже гербъ: щитъ, въ верхней половинѣ котораго дубъ въ серебряномъ полѣ, а въ нижней золотая рыба въ синемъ полѣ. Во время регентства Финнеръ былъ генераломъ корпуса своего имени, имъ сформированнаго, съ которымъ онъ вторгнулся въ предѣлы Франціи, былъ взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ. Братъ его, мой прапрадѣдъ, былъ Staatsrath и Ober-Baudirector ¹⁾; старшій сынъ его италмейстеромъ при юр-

¹⁾ Статскій совѣтникъ и оберъ-директоръ надъ строеніями.

тембергскомъ дворѣ, а младшій мой прадѣдъ, Regierungsrath¹⁾. У него было два сына: Конрадъ, мой дѣдъ, и другой, котораго имени не знаю. Дѣдъ мой долженъ былъ наследовать послѣ богатого бездѣтнаго дяди, но для этого принуждали его быть военнымъ, а онъ ходилъ слушать химическія лекціи; старикъ-дядя требовалъ, чтобы племянникъ оставилъ эти, по тогдашнимъ понятіямъ, неприличныя дворянну занятія, и, не успѣвъ въ этомъ, отнялъ у племянника средства существованія. Тогда дѣдъ мой занялъ мѣсто профессора химіи, что разсорило его окончательно съ дядею. Имя химика Финнера получило извѣстность; графъ Мусинъ-Пушкинъ, президентъ бергъ-коллегіи, большой любитель химіи, познакомился и подружился съ нимъ въ Штуттартѣ, или въ Тюбингенѣ, не знаю, и, воротясь въ Россію, пригласилъ его именемъ императрицы въ русскую службу. Такъ родъ мой попалъ въ Россію. Въ Петербургѣ дѣдъ мой и жена его, рожденная баронесса Муфль, сдѣлались жертвою науки; бабушка моя мылила какой-то химическій препаратъ, стоявшій въ стаканѣ на столѣ у мужа, принявъ за воду, а дѣдъ задохся въ лабораторіи при взрывѣ газа. Дѣдъ мой, по словамъ отца, училъ Меллению и былъ изобрѣтателемъ зеленого огня, который назывался въ Россіи мелленинскимъ огнемъ, потому что Меллению присвоили себѣ изобрѣтеніе моего дѣда.

Отецъ мой остался сиротою 4-хъ лѣтъ отъ роду. Графъ Пушкинъ взялъ его къ себѣ и воспитывалъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, какъ родного сына. Въ 1783 г. отецъ мой опредѣленъ въ службу «трехъ коллегій переводчикомъ», 17-ти лѣтъ; въ 1790 г. поступилъ секретаремъ къ генералъ-губернатору Архарову, а въ 1793 г. взялъ его къ себѣ генералъ-фельдцейхмейстеръ, князь Зубовъ, «секретаремъ отъ артиллеріи, съ чиномъ капитана». Надобно полагать, что отецъ мой былъ тогда не безъ состоянія, потому что свита князя Зубова жила очень широко, а отецъ мой былъ и по природѣ порядочный мотъ. Цѣлостью и страсть тратить деньги на пустяки сохранились за нимъ, когда онъ былъ уже постоянно боленъ и когда каждая гривна пужна была для пропитанія семейства, но, впрочемъ, какая же была тогда и денежна: я видѣлъ еще домъ трехъ этажный, въ 3 окна по фасаду, въ Кадетскоѣ линіи, вонесенный въ составъ главнаго зданія перваго кадетскаго корпуса при его перестройкѣ; въ этомъ домѣ, при Екатеринѣ, занималъ отецъ мой бельэтажъ въ три комнаты, и платилъ 4 р. въ мѣсяцъ съ отопленіемъ. Другіе порядки были и въ службѣ. Зубовъ нанеся, что такъ какъ отецъ мой при немъ, то онъ имѣетъ право быть капитаномъ отъ артиллеріи и носить артиллерійскій военный мундиръ. Такъ отецъ мой попалъ въ воен-

¹⁾ Совѣтникъ правленія.

ные, и чуть ли не командовалъ батареею, которая, впрочемъ, состояла, кажется, изъ пушки безъ лошадей, а можетъ быть и безъ канонировъ.

Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ, вывелъ на смотръ все списочныя батареи. Набрали подъ орудія батареи, паскоро импровизированной, городскихъ лошадей; отецъ мой сѣлъ на лошадь, такъ же мало знавшую службу, какъ и онъ самъ, и потынулся на смотръ. По первому выстрѣлу, и капитанъ и передки бросились полнымъ карьеромъ бѣжать съ поля, и—къ счастью—последствіемъ была не Сибирь, а крѣпость. Многіе сидѣли въ крѣпости съ отцомъ моимъ, выйдѣли и опять стали служить, а отецъ вышелъ въ отставку, опять съ чиномъ титулярнаго совѣтника; съ тѣхъ поръ не было ни одной свѣтлой минуты въ его жизни. Нужда заставила его принять мѣсто исправника въ какомъ-то уѣздѣ Западнаго края; тамъ онъ обольстилъ какую-то хорошенькую поляку, на которой долженъ былъ жениться. Овдовѣвъ, онъ женился на моей матери, въ 1802 году, имѣя не болѣе 36 лѣтъ отъ роду, но уже изношенный, удрученный и убитый переворотомъ въ карьерѣ.

Пріѣхавъ въ 1803 г. въ Петербургъ, онъ съ трудомъ добился мѣста секретаря въ комитетѣ правленія академіи наукъ. Въ этомъ скромномъ званіи онъ оставался до самой смерти въ 1818 году, но былъ трактуемъ академиками, какъ товарищъ и другъ. Впрочемъ, эти друзья были незавидны для семейнаго быта. Кромѣ Фуса, Шуберта и другихъ нѣмцевъ, все были пьяницы и отъявленные кутилы. Они сѣзжались иногда у отца, но компанія была, вѣроятно, не очень назидательна, потому что матушка отправляла дѣтей къ бабушкѣ всякій разъ, что у отца былъ вечеръ. По окончаніи пира отецъ разсылалъ «великихъ мужей» въ своей каретѣ по домамъ, какъ театральная дирекція отсылаетъ домой артистовъ. Я помню одинъ случай: отправили вмѣстѣ Севастьянова, Озерецковаго (математика) и Севергина (минералогъ); на другое утро присылаетъ жена Севергина узнать, куда дѣвалися мужа, не явившагося домой; кучеръ увѣрялъ, что онъ всѣхъ развезъ; другіе путешественники тоже ничего о немъ не знали; дѣло приняло оборотъ серьезный. Около полудня кучеръ сталъ выдвигать карету изъ сарая, чтобы мыть ее, и замѣтилъ, что она тяжелѣе обыкновеннаго; заглянулъ внутрь и узрѣлъ великаго мужа, снагача подъ сидѣньемъ безмятежнымъ сномъ пьянаго!

Дворянскій родъ матери моей обѣднѣлъ еще прежде рода отца моего. Изъ рассказовъ дѣда моего (отца моей матери) знаю я, что отецъ его, мой прадѣдъ, Parpenguth былъ представителемъ одной отрасли дворянскаго ганноверскаго рода Parpenguth-Parpenheim, и уже въ бѣдности; дѣдъ мой былъ лейбъ-медикомъ курляндскаго герцога, имѣлъ огромную практику, жилъ весело, нелъ болыную

игру, выигрывалъ или проигрывалъ груды червонцевъ, къ отчаянію своей добродѣтельной и благоразумной супруги-красавицы. Когда герцогство Курляндское было упразднено, и Палленгутъ дошелъ до отчаяннаго положенія, въ которомъ онъ покупался даже на жизнь свою, вѣрная жена успокоила его и показала ему сотни три или четыре червонцевъ въ то время, когда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ былъ въ домѣ едва кусокъ хлѣба. По условію, каждый разъ, когда мужъ выигрывалъ, онъ отдавалъ женѣ сколько-то % на ея карманные расходы, а она вшивала эти червонцы въ ватный капотъ, съ намѣреніемъ не трогать ихъ до той минуты, когда придется выбрать одно изъ двухъ: распоротъ себѣ горло или распоротъ капотъ: когда мужъ ея рѣшился было на первое, она приступила къ послѣднему. Дѣдъ мой расплатился съ кредиторами, отправился въ Петербургъ, опредѣлился въ морской госпиталь медикомъ и устроился въ одномъ изъ тѣхъ деревянныхъ домиковъ, въ которыхъ на Выборгской сторонѣ жили патріархально врачи тогдашняго времени, благодаря хозяйственному устройству этихъ скромныхъ жилищъ. Бабушка устроила понемногу изъ огорода кое-какой садъ; дворъ былъ просторный, принадлежалъ одному жильцу и давалъ ему средство держать свою корову, своихъ куръ и гусей, и прокармливать семейство здоровѣе и честнѣе, чѣмъ въ нынѣшнихъ казарменныхъ каменныхъ палатахъ, гдѣ казенныя деньги и казенныя нравы перепутываются съ благопріобрѣтеннымъ достояніемъ и съ живою теплою семейнаго быта,—не въ пользу его, разумѣется.

До кончины отца моего были уже пристроены: старшій братъ мой во второмъ кадетскомъ корпусѣ, я въ гимназій, пенсіонеромъ академіи наукъ. По смерти отца, матушка осталась еще, кромѣ насъ двоихъ, съ пятерыми непристроенными дѣтьми, двумя мальчиками и тремя дѣвочками, въ возрастѣ отъ 9 до 3 лѣтъ. Похоронивъ мужа и расплатившись съ долгами, она осталась при 30 рубляхъ. Пенсіоннаго устава еще не было. Президентъ академіи наукъ, Уваровъ, назначилъ вдовѣ шестинедѣльный срокъ для очищенія казенной квартиры, прибавя свою любимую фразу: «ни 24 часа долѣе», и приказавъ немедленно прекратить отпускъ казеннаго топлива, а это было 18 января. Уваровъ, grand seigneur, особенное имѣлъ вниманіе къ дровамъ. Много лѣтъ позже Пушкинъ написалъ стихи по случаю тяжелой болѣзни графа Шереметева, котораго ближайшею наслѣдницею считалась тогда жена Уварова; въ этомъ посланіи къ Лукуллу (Шереметеву) знаменитый поэтъ описывалъ радость наслѣдника при извѣстіи, что графъ безнадеженъ, и обѣты, даваемые имъ при этомъ случаѣ, между которыми:

«Жену обкрадывать забуду,
«И порочать узко не буду
«Казенныя дрова».

Разсказывали, будто Уваровъ жаловался на Пушкина графу Бенкендорфу, шефу жандармовъ, будто графъ позвалъ Пушкина и выговаривалъ ему за пасквиль на Уварова, и будто Пушкинъ отвѣчалъ: «Этотъ пасквиль написанъ не на Уварова, а на васъ». — «На меня! не можетъ быть; тамъ нѣтъ ничего похожего на меня! — Чѣмъ же я виноватъ, что графъ Уваровъ нашелъ самъ сходство съ собою въ героѣ моего пасквиля». *Se non e vero, e ben trovato!*

Срокъ, данный Уваровымъ на выѣздъ изъ квартиры, истекалъ въ февралѣ, среди зимняго холода, а у моей трехлѣтней сестры была корь. Матушкѣ предлагали исходатайствовать отерочку, но она, непреклонно гордаго характера и полная вѣры въ Божій промыслъ, рѣшилась очистить квартиру въ срокъ, — и вышла изъ нея, какъ Эней изъ стѣнъ разрушенной Трои. Купила лубочныя салазочки, въ какихъ развозили тогда охтинки молоко, укутала въ нихъ пятилѣтнюю дѣвочку, сама взяла на руки больную трехлѣтнюю малютку, дѣвущка повесила салазочки и повела за руку девятилѣтнюю стариную дѣвочку; крѣпостной лакей повелъ за руки восьми и семилѣтнихъ мальчиковъ, и такъ семейство отправилось пѣшкомъ съ Васильевского острова на Выборгскую сторону къ родителямъ несчастной вдовы.

Въ такихъ обстоятельствахъ прошло мое младенчество; чѣмъ слабѣе разсужденія этого возраста, тѣмъ глубже его впечатлѣнія; они не изслѣдываются разсудкомъ, не приводятся въ систему; они только чувствуются, и когда чувство кажется уже прошлымъ и забытымъ, его печать остается на сердцѣ навсегда, хотя и выражается наружу какъ видоизмѣненіе изъ того же корня. Вся моя натура покрылась меланхолическимъ отбѣнкомъ и какою-то лѣнивою мечтательностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ катастрофы, начинающія или оканчивающія загадку жизни, вложили въ меня вѣру въ Провидѣніе и укрѣпили мои внутреннія силы на борьбу съ превратностями. Такія катастрофы дошли рано до моего свѣдѣнія. Еще до кончины отца моего свѣжее мое воображеніе поражалось имп. Графини Мусина-Пушкина, родная тетка князя А. С. Меншикова и жена того Пушкина, съ которымъ былъ отецъ мой воспитанъ, любила отца моего, какъ спутника ея молодости, какъ красиваго кавалера и какъ вѣтреника, — и сохранила чувство привязанности къ нему до самой смерти; она любила и моего старшаго брата за то, что онъ похожъ былъ на отца. Она говорила мнѣ уже по смерти отца моего: «разъ только онъ обидѣлъ меня; я сдѣлала ему сюрпризъ, сшила ему наволочки, — но вообрази, мой милый, когда на горничной, когда она одѣвала меня, я увидѣла кружева отъ наволочекъ, мое удивленіе: *fi, quelle horreur!*» ¹⁾ Дѣлать сюрпризы было страстью графини и ея мужа. Пушкинъ былъ

¹⁾ Фу, какая мерзость!

довольно богатъ, жена его еще богаче, но они дѣлали одинъ другому сюрпризы, стараясь превзойти другъ друга, и наконецъ сдѣлали другъ другу величайшій сюрпризъ, узнавъ, что они разорились. По смерти графа осталось у графини дунгъ 600, да и къ тѣмъ привязался какой-то нелѣпый процессъ. Ея *homme d'affaires* ¹⁾ увѣрилъ ее, что удобнѣе всего было бы совершить купчую крѣпость на отчужденіе ему спорнаго имѣнія, а когда процессъ окончится, онъ отдастъ ей имѣніе назадъ, «если вы не считаете меня безчестнымъ», прибавилъ онъ. Графиня, невинная и безпечная, какъ дитя, обидѣлась предположеніемъ и совершила купчую; процессъ кончился, но имѣніе не воротилось. Потомъ поправился ей одинъ такой же продупшой господинъ, оставшій частный приставъ, бывшій ея комиссіонеромъ: онъ обобралъ у нея и движимость. Затѣмъ остался у нея только пенсіонъ, 3.600 р. въ годъ (ассигнаціями), но для графини это была капля въ морѣ. Постепенно она дошла до крайней нищеты; жила въ Солдатской Слободкѣ, въ домикѣ изъ трехъ комнатъ, однакожъ держала парумищенную компаньонку и вдову какого-то героя капоинира, сброшеннаго съ заряднаго ящика упавшую на него бомбу, двухъ мосекъ и воспитанницу, рекомендованную этою же солдаткою, выѣзжала въ извозничьей коляскѣ, но часто не ѣзжи. Одинъ разъ сдѣлалось ей дурно во время ея визита матери моеѣ: оказалось, что это происходило отъ голода! Матушка просила ее пріѣзжать къ ней завтракать, и съ тѣхъ поръ она частенько бывала часу во 2-мъ выпить чашку кофе. Родные племянники ея, князья Николай и Сергій Гагарины и князь Меншиковъ, никогда о ней не поминали (но первые давали ей какую-то пенсію,—не тѣ ли 3.600 р., которые она получала!). Когда полиція извѣстила ихъ о смерти графини, князь Меншиковъ (и былъ уже на службѣ) просилъ меня быть за него на похоронахъ и стараться выручить фамиліальные портреты, если у нея были,—и въ самомъ дѣлѣ, въ бѣдной хижинѣ, надъ старымъ рыночнымъ столомъ красовался рядъ прекрасныхъ миниатюръ, изображавшихъ прекрасныя лица въ богатыхъ уборахъ. За гробомъ старушки шли двое: княгиня Изабелла Гагарина и я. Жизнь эта—тоже русская соборонная метаморфоза, но съ галляминскою составляетъ обратный полюсъ.

Говори о метаморфозахъ, вспоминаю о другой, еще болѣе разительной, подробности которой слышалъ уже не въ дѣтствѣ,—о графинѣ Каменской—(если память не измѣнила мнѣ) матери фельдмаршала. Графиня Каменская была знакома съ моимъ нюртембергскимъ прадедомъ. Еще при Екатеринѣ она хлопотала о примиреніи отца моего съ его дѣдомъ, и успѣла настолько, что дѣдъ позволилъ написать къ нему письмо. Отецъ мой написалъ его такимъ

¹⁾ Нотариусъ.

ломаннымъ нѣмецкимъ языкомъ, что старикъ забылся. *Er hat seine Muttertache vergessen!*¹⁾ и не хотѣлъ ничего болѣе о немъ слышать. Имѣніе свое, не знаю какимъ путемъ, передалъ онъ какой-то г-жѣ Гоферъ (Hofer). Послѣ того Каменская хлопотала о возстановленіи родовыхъ документовъ отца моего, сгорѣвшихъ со всѣмъ домомъ графа Пункина; но отецъ, какъ современникъ Екатерины, такъ гордился быть русскимъ, что не хотѣлъ хлопотать объ иностранномъ дворянствѣ, предпочитая стижать службою дворянство русское—*rauvre homme!*²⁾ Оттого я нашелъ только отрывочные документы, или, вѣрнѣе, свѣдѣнія, и то благодаря матери, ихъ припрятавшей. Затѣмъ графиня Каменская пропала изъ виду, и уже около 1812 года графиня Пункина повесела матушку мою къ Каменской, уже слѣпой и никого не принимавшей. Старушка очень полюбила матушку. «Подойди ко мнѣ, голубушка, дай на себя посмотрѣть», говорила она, обводя ей лицо руками, и иногда прибавляла: «ты похудѣла, моя милая». Въ тридцатыхъ годахъ Я. А. Дружининъ (таин. сов.) разсказалъ мнѣ ужасную исторію. Вотъ она. При императорѣ Александрѣ I дошелъ до княгини Лопухиной слухъ, будто мать фельдмаршала Каменскаго находится въ крайней нищетѣ. Этотъ слухъ не могъ считаться а priori недостовернымъ, потому что графиня передала все свое имѣніе дѣтищамъ; а изъ сыновей ея—фельдмаршалъ померъ, другой же продалъ все и уѣхалъ навсегда за границу; съ дворомъ она была не въ ладахъ. Разоренная и не въ милости—два условія вмѣстѣ, достаточныя, чтобы быть всеми забытой. Лопухина просила Дружинина узнать, жива ли Каменская и гдѣ она. Послѣ долгихъ разспросовъ удалось Дружинину узнать, что Каменская живетъ на Пескахъ. Переходи изъ дома въ домъ, Дружининъ напалъ наконецъ на тотъ, въ которомъ жила графиня, но и тутъ не вдругъ отыскалъ ее. На вопросъ, здѣсь ли живетъ графиня Каменская, дворникъ отвѣчалъ: «такой графини нѣтъ, а есть старуха Каменчиха, посмотрите въ пристройкѣ». Дружининъ вошелъ въ избушку (зимой) въ одну комнату, съ прихожей; пусто, холодно, на стѣнахъ сырость, на подоконникѣ сѣгъ; въ углу у русской печки кровать, на которую брошена комомъ старая шубенка. Опъ хотѣлъ уже выйти, какъ замѣтилъ, что шубенка дрожитъ; подошелъ къ кровати, приподнял тулупъ и увидѣлъ подъ нимъ скорченную, дрожащую старушку: это была графиня Каменская! Тутъ поднялся шумъ, графинѣ дали пенсію, но въ свѣтъ она не показывалась, — и свѣтъ, въ полномъ смыслѣ слова, ей не показывался. «Не хочу быть дочерью Сципіона,—хочу быть матерью Гракховъ!» сказала Корнелія. Хорошо, что Корнелія жила въ Римѣ. Каменская была матерью Сципіона,—и чуть не умерла съ голоду. Неизвѣстность, въ

¹⁾ Онъ забылъ свой природный языкъ!

²⁾ Вѣдунжка!

какой оставалась Каменская, может теперь показаться невѣроятною, но тогда она была возможна. Адресного стола не было, а может быть и былъ, да дѣлалъ лишь то, что въ состоянн сдѣлать столъ безъ людей. Паспорты не предъявлялись, особенно въ захолустяхъ; дворники были—только дворниками, а не полицейскою инстанціею, какъ теперь. Теперь полиція знаетъ мѣсто жительства не только людей порядочныхъ, но и мошенниковъ, съ которыми находится даже въ официальныхъ сношеніяхъ, для открытія другихъ воровъ, какъ видно изъ «Вѣдомостей Сиб. полиціи»¹⁾; теперь, стало быть, и воры составляютъ полицейскую инстанцію. Зло общественное лечится гомеопатически: *similia similibus*. При видѣ вдовы, страстующей съ дѣтми по улицамъ Петербурга, такъ какъ бѣдная мать моя шла зимою 1818 г. на Выборгскую сторону,—какой умъ человѣческій могъ бы указать еѣ способы выйти изъ этого положенія? какое воображеніе сумѣло бы нарисовать не слишкомъ мрачными красками будущность этой матери семейства? Но Провидѣніе уладило все такими простыми средствами, которыми оно одно обладаетъ. Въ томъ же году старшая изъ сестеръ моихъ выбаллотирована къ приему въ Смольный монастырь, и оба мальчика попали въ комплектъ перваго кадетскаго корпуса; изъ потеряхъ непристроенныхъ дѣтей осталось двое, и тѣ слишкомъ малыя, чтобы думать о пристройствѣ. Года черезъ три вотъ что случилось. Въ каникулы отправились мы, братъ старшій, лѣтъ 15-ти, и я, 13-ти лѣтъ, гулять на Каменный островъ, къ великому изъятію изъ правилъ матушки, никогда не позволявшей намъ ходить далеко безъ себя. Не доходя нѣсколько сотъ сажень до Строгановой дачи, встрѣтили мы молодую благовидную даму съ хорошенькимъ мальчикомъ лѣтъ 8-ми, который залюбовался кадетскимъ мундиромъ брата, на румяныя щеки котораго и дама смотрѣла съ благосклоннымъ любопытствомъ. Когда мы поравнялись съ ней, она спросила у насъ, куда мы идемъ, гдѣ живемъ, и, услышавъ, что на Выборгской сторонѣ, спросила, не знаемъ ли мы, гдѣ живетъ полковникъ Баговуть. На отрицательный отвѣтъ, она было удалилась, но, замѣтивъ, что сынку правится кадетъ, пошла съ нами и узнала, что мы Финнеры. «Какъ зовутъ вашу маманъ?»—Ольга Ивановна.—«*Mon Dieu!*—вскричала дама, —*c'est le doigt de Dieu!*»²⁾ Я ищу Ольгу Ивановну Фишеръ давно; мнѣ сказали, что она живетъ у отца своего, полковника Баговута, близъ сухопутнаго госпиталя (читай: у коллежскаго совѣтника Паненгута въ зданіяхъ морскаго госпиталя). Мы повели даму къ матушкѣ; оказалось, что это была Екат. Серг. Уварова, жена камергера, добрыйная, просвѣщенная женщина, но просвѣщенная односторонне французскою литерату-

¹⁾ Это писано въ 1861 году.

²⁾ Боже мой! это переть. Вождіи!

рою XVIII вѣка, поклонница Руссо и г-жи Сталь,—и въ высшей степени энтузіастка. Она разсудила, что гувернеры не годятся для маленькихъ дѣтей, что гувернантки—еще менѣе годны, какъ старыя дѣвки, незнающія свѣта и жизни, что правильное воспитаніе можетъ дать мать, сама пенитавшая и добро и зло жизни, прежде наступленія старости успѣвшая наскутить свѣтскою жизнью и не скужающая въ отсутствіи шумныхъ удовольствій. Такую даму искала Уварова—и потѣ сказали ей, что точно такая есть, указавъ на матушку. Напрасно матушка увѣрила ее, что она не подходитъ подъ примѣты, что она не знаетъ свѣтской жизни, что она считаетъ Ж. Ж. Руссо за сумасброда, что, во всякомъ случаѣ, главное въ обстановкѣ дѣтей, и что совѣты наставника, даваемые по утрамъ, не помогутъ, если вечерніе товарищи другого мнѣнія. Чѣмъ болѣе спорили, тѣмъ сильнѣе настаивала Уварова,—и матушка принесла намъ себя въ жертву; скрѣпя сердце, благословія малютокъ, она поручила ихъ старушкѣ-бабушкѣ и переѣхала, для пробы, къ Уваровымъ. Она была у нихъ около года: проба не удалась,—но Уварова сохранила къ ней навсегда дружбу и уваженіе и, съ свойственною ей энергіею, принялась хлопотать о пристройствѣ моихъ младшихъ сестеръ: обѣ были приняты въ Смольный монастырь пенсіонерками царской фамиліи; вскорѣ за тѣмъ дочери астронома Шуберта, сохранившія дружбу къ матушкѣ, добились чрезъ комиссію прошеній пенсій ей въ 800 р. Матушка, содержащая прежде большое семейство 2000 рублей, сочла себя богатою, имѣя всѣхъ дѣтей пристроенными и получая 800 руб.,—и на 76-мъ году жизни скончалась, уважаемая всѣми, кто знаетъ ее.

Такіе перевороты не остались безъ вліянія на жизнь мою. Я признаю мнѣніе Екатерины II, что счастье есть послѣдствіе нашихъ дѣйствій, но остаюсь и при своемъ, что дѣйствія наши зависятъ отъ обстановки нашей колыбели. При томъ, попадаются въ жизни моменты благоприятные, одному чаще, другому рѣже; одному, пренебрегающему ими, — безпрестанно, другому, разъ упустившему счастливый случай,—никогда болѣе; одинъ былъ бы счастливѣе, если бы родился ранѣе; другой—если бы родился позже: здѣсь рѣшается вопросъ счастье. Моя жизнь, напримѣръ, сложилась бы совершенно иначе, если бы я родился десятью годами прежде; она была бы совершенно иная и тогда, когда бы я явился на свѣтъ при Екатеринѣ, когда все расцвѣтало, а не теперь жить, когда все распадается. Сама Екатерина, при томъ же умѣ, при тѣхъ же политическихъ обстоятельствахъ, дѣйствовала бы, можетъ быть, съ меншею сосредоточенностью воли, если бы выросла въ русскомъ боярскомъ дворцѣ, а не въ казенной квартирѣ интентинскаго коменданта, и если бы выходила замужъ не съ полудюжиною сорочекъ, какъ она рассказываетъ, а съ 30 пудами столоваго и мебельнаго серебра, какъ графиня Мусина-Пушкина.